

Евгений Яблоков

«Верю в наших детей»

Евгений Иванович Яблоков.
Рязань, 1935

Арестованный органами НКВД 10 января 1938 года преподаватель ботаники Рязанского пединститута Евгений Иванович Яблоков писал письма из лагерей Архангельской области. Осужденный на 8 лет, он умер от недоедания и болезней в марте 1944 года. Сохранилось 294 письма (включая открытки) Е. И. Яблокова, адресованных жене Нине Ивановне Яблоковой и детям – дочери Ирине, которой на момент ареста отца было 15 лет, и сыну Юрию, которого отец видел последний раз, когда ему еще не исполнилось и двенадцати.

Из воспоминаний Юрия Евгеньевича Яблокова:

«Заслуга, что письма отца сохранились, в основном принадлежит моей маме Нине Ивановне Яблоковой, жене и верной подруге отца (1894–1984). После переезда матери из Рязани в Москву (в середине 60-х годов) письма собирал и сохранял я. В 2004–2009 годах с некоторыми перерывами я расшифровывал и перепечатывал письма. Мелкий почерк, местами выцветшие чернила, осыпавшийся графит карандашного текста, плохо сохранившаяся бумага на сгибах требовали работы с лупой, увеличения части текста сканированием, с воспроизведением на компьютере различными способами. Значительную помощь в работе оказал московский «Мемориал». Этих писем достаточно, чтобы представить себе жизненную трагедию, которую пережил, так незаслуженно, мой отец. Сохранить эти письма для потомков я посчитал своим долгом перед отцом, и рад, что успел это сделать».

Семья Яблоковых: Евгений Иванович, Нина Ивановна, Ирина и Юрий. Рязань, конец 1920-х

Ирина и Юрий Яблоковы. Рязань, конец 1920-х

Семья Яблоковых. Рязань, 1933

«Жаль, что папины письма кончились»

До 1938 года в жизни Евгения Ивановича Яблокова ничто не предвещало трагических перемен.

Он родился в 1887 году в Рязани в семье чиновника, дослужившегося до действительного статского советника. До революции Евгений Яблоков успел поучиться в Санкт-Петербурге и в Лионе (Франция). Окончил Московский университет. В дипломе сказано,

что Евгений Яблоков «имеет право на звание учителя гимназии и прогимназии по предметам естествознания и географии». Преподавал в московской гимназии ботанику.

После Октябрьской революции из-за болезни отца он перебрался в Рязань, работал в сельскохозяйственном техникуме. В 1921-м женился на медсестре – девушке, которую знал с детства.

Через два года родилась дочь, еще через два – сын. Вскоре Евгений Иванович занял должность доцента в педагогическом институте.

На январь 1938 года была назначена защита его кандидатской диссертации. Тема: «Продвижение посевов риса на север». Но защита не состоялась. Ночью 10 января за Евгением Ивановичем пришли.

Аресту предшествовал конфликт с директором института, который ради устройства на работу «своего человека» издал приказ об увольнении Яблокова. И хотя решением Наркомпроса Евгения Ивановича восстановили на работе, конфликт не был исчерпан. В протоколе допроса 20 января 1938 года со слов Е. И. Яблокова записано: «События последних двух месяцев в Педагогическом институте рассматриваю как несправедливую травлю, а арест – как прямое последствие этих событий».

Из воспоминаний Юрия Евгеньевича Яблокова:

«Еще в ноябре друзья отца советовали ему немедленно уезжать из Рязани. Отец, судя по пришедшим после ареста приглашениям на работу (в частности, в Московский ботанический сад), рассматривал такую возможность, но не ранее, чем его восстановят на работе после несправедливого увольнения. Спас бы отъезд отца от ареста, трудно сказать».

Гадать, в самом деле, бессмысленно. Возможно, служебные интриги не прошли бесследно. Однако официальным обвинением стало придуманное чекистами участие доцента Яблокова в мифической контрреволюционной организации. Сыну Яблокова Юрию Евгеньевичу позже удалось познакомиться с «Делом» отца. «Из обвинительного заключения, – пишет он, – следует, что отец якобы участник к. р. организации (ст. 58-10, 58-11), в чем уличен показаниями других обвиняемых... Виновным себя не признал».

Из воспоминаний Юрия Евгеньевича Яблокова:

«Из жалоб в Прокуратуру и рассказов отца при свидании с женой 26–28 июля 1939 года следует, что отец так и не понял, в принадлежности к какой организации его обвинили, а из протоколов допросов, – что он только опровергал неверно процитированные его слова из лекций по вопросам наследственных признаков растений. Физические методы воздействия к отцу не применяли, если не считать отказов в выводе в туалет (что, в общем-то, являлось одним из видов пыток для людей такого склада, как отец). Следовательно скорее использовал тактику “доверительных отношений” и уговорил отца подписывать чистые листы бумаги, якобы для ускорения времени допроса, обещая написать “все как говорили”. Из разрешенных для ознакомления материалов дела однозначно можно констатировать, что отец не оговаривал ни себя, ни других. В числе знакомых, с кем общался, перечислил только сослуживцев по педагогическому институту, с кем неизбежно должен был общаться, не упомянув ни родственников, ни друзей... В прочитанных мной протоколах я не нашел обоснования для обвинения, но мне показали не все тома дела, ссылаясь, что оно “групповое”. Из шести написанных не рукой отца протоколов безоговорочно подлинная подпись отца только одна».

Сразу же после окончания следствия и отправки по этапу в места заключения Е. И. Яблоков начинает писать домой, адресуя отдельные письма или части писем персонально жене, дочери и сыну. Из письма жене:

«Верю в наших детей; Ируся – милая хорошая девочка, с прекрасным характером и способностями; Юрик – я верю в его способности и победу в нем его хороших сторон. Я буду им писать и буду надеяться на общение с ними, на свою помощь им; они (письма. – Ред.) должны прийти вовремя, пока я не совсем состарился» (28.06.1938).

Чем он мог им помочь? Только сопереживанием, советами, заочным участием в их повседневной жизни – играх, чтении, учебе, выборе профессии, своими нравственными оценками жизненных ситуаций и людей, собственными представлениями о добре и зле, справедливости и несправедливости, своими мечтами о том будущем, когда он снова окажется дома. Вот несколько отрывков из писем детям:

Юрий и Ирина Яблоковы. Рязань, 1939

Юре: «Когда я мечтал, что меня выпустят, я представлял, как мы будем с тобой ловить рыбу; я узнал... новые для меня способы ловли. Еще я мечтал о том, что ты и я будем дежурить, по очереди с мамой и Ирусей, – будем хотя бы два раза в шестидневку готовить вместо мамы обед, ходить за покупками...»

***

Ире: «Моя радость, моя дочка, спасибо за старание в учении школьном и в музыке – сидя там, еще в Рязани, я мечтал, что буду прочитывать все, что ты учишь по “естеству” и географии; и буду разговаривать с тобой о том, что знаю, и тем помогать тебе».

***

Юре: «Живи, мой милый, весело, и будь хорошим... Люби маму, люби Ирусю – т. е. делай им хорошее. <...> Я помню, какой ласковостью отличался ты, когда был маленький; значит, у тебя был и есть задаток любви – расположения, и нужно, чтобы он выражался в делах хорошего».

***

Ире: «Поздравляю тебя с окончанием семилетки, да еще таким хорошим, поздравляю с книгой Щедрина, хотя его читать и трудно, но прочти, я бы с тобой прочел вместе...»

***

Ире: «География все-таки вещь хорошая. Учи, не пожалеешь; сумей читать геогр. хрестоматиши – достань в библиотеке; м. б. найдешь след. авторов: 1) Носилова (мал., тонкая); 2) Нечаева “На суше и на море”; 3) Круберт, Григорьева “География” (несколько толстых книг). Или другие более новые издания...»

***

Юре: «Мой милый, милый мальчик. Спасибо тебе за открыточку и за обещание “подробностей письмом”. В открытке я заметил, как ты старательно писал... Написал хорошо. Очень рад, что год начался у тебя хорошими отметками...»

***

Ире: «Я очень, очень рад, что дошли мои “бандероли” с засушенными растениями».

***

Ире: «Как-то ехали мы на пароходе в Пинегу и наблюдали редкую сценку; я все забывал описать ее для тебя с Юрой: на крутой берег, от воды, взбегал зайчишка; д. б. ходил напиться; вдруг над ним появилась сова, и видно было, как спускала ноги с когтями, махала крыльями над самым зайчиком; он заметил ее; поднялся на задние лапки и махал, отмахивался от нее передними; конец был бы плохой, но свистнул пароход; д. б. нарочно, чтобы ее испугать, и она испуганно улетела в сторону, а зайчик побежал вверх по косоугору... Все это произошло в минуту; описывать долго...»

***

Ире: «На днях пришла мысль предложить тебе и Юре составить рассказ по тому описанию о нападении совы на зайца, которое я поместил в письме к тебе. Давайте втроем: ты, Юра и я, напишем по рассказу, пошлем в редакцию “Юного Натуралиста”... это будет наш конкурс, а редакция – жюри».

***

Юре: «Мой сын, мой Юра – открыточку твою получил; письма буду ждать. Вчера в письме спрашивал у Ируси о твоём сочинении, а сегодня узнал от тебя, что оно написано успешно, но все-таки мне хочется знать и о нем, и о том, какая у тебя вышла стенгазета, – побольше, как говорится, “поконкретней” – с примерами...»

***

Ире: «Меня вообще радуют твои успешные учебные и музыкальные занятия и то, что тебе нравятся “точные” науки – физика, химия, математика... Среди моих книг, кажется, в кухне, или в книжном шкафу, есть книги: “Занимательная физика” Перельмана и “Опыты по химии”; д. б. есть книга Лассар-Кока – “Химия обыденной жизни”; попробуй почитать, если найдется книга и время».

***

Юре: «Двенадцать лет! Это уже много; начинается сознательная жизнь, которая вполне разовьется в следующие 12 лет, а когда будет тебе 24 года, начнешь думать, что "жизнь уже прожита и ничего не сделано"; так кажется почти всем... Так, надо сделать прежде всего: научиться – пройти школы: низшую, среднюю и высшую; не мечтать, а исполнять задуманное, но необходимое, а не выдуманное... Вот я и желаю тебе, мой мальчик милый, успеха в следующие 12 лет в том, что перечислил: в науках, в осознании и прочувствовании жизни, в исполнении (уменье исполнять необходимое)... Пожалуй, я написал мудрено и скучно; тогда... прочти несколько раз...»

***

Ире: «Все мысли, мало-мальски хорошие, вызывают у меня желание поделиться ими с вами, с тобой и Юрой. Может быть, они и не столь значительны или не так легко передаваемы-усваиваемы; а часть из них, кажущиеся мне хорошими, – нужны; вызывают такое сильное желание делиться ими с вами...»

***

Ире: «Потенциально – жизнь прекрасна; в ней много ужасного; как примирить это противоречие? Примирять не нужно; надо понять, что противоречие – свойство мира, свойство жизни; надо верить; и по временам всякий чувствует и верит, что жизнь прекрасна. Действительно, только вера, вера в хорошее, и спасает от уныния, от нежизненности.»

Такие письма детям, проникнутые заботой и любовью, Е. И. Яблоков писал на протяжении всех лагерных лет, до последнего дня жизни.

Читая его письма, поражаешься той степени откровенности, с какой в них говорится о работе и условиях жизни заключенных. Та «лагерная правда», что позже пришла к нам в книгах Александра Солженицына и Евгении Гинзбург, в опубликованных мемуарах бывших заключенных, была рассказана Е. И. Яблоковым жене и детям в письмах 1938–1944 годов. Конечно, далеко не вся, конечно, с оглядкой на лагерную цензуру, конечно, описывая жизнь в лагере, Евгений Иванович щадил чувства жены и детей, не хотел их расстраивать, и все же правда была рассказана. О работе на лесосплаве и на лесоповале, о лагерной баланде, о жизни с уголовниками, о болезнях от голода, холода и недоедания...

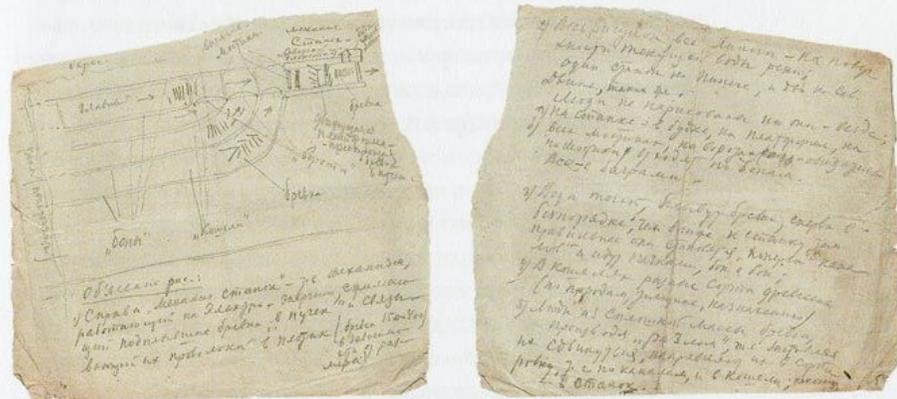
«Мой милый сын – Юра.

Сегодня мне исполнился 51 год. <...>

Я встал в 5 ч. утра, на час раньше, чем будят. Солнышко взошло, хотя ночи все равно не было; всю ночь было светло. Я больше всего люблю утро; оно видать чем раньше, тем лучше... Я встаю раньше, чтобы не торопиться, а то у нас все здесь делается поспешно; чтобы не только позатракать, но и написать чаю, которого мне присылает мама столько, что я пью его каждый день три раза; встаю раньше, чтобы перечесть ваши старые или свежие письма; прочтешь, и так хочется написать вам, но времени уже не хватает; изредка успеваю написать открытку: их я пишу всегда по утрам, а письма вечером-ночью...

<...> Так вот, в 7 час. утра мы выходим "на развод" – т. е. каждая бригада идет по назначению на работу. Мы, наша бригада (я попал в новую "Воронина"), идет на сплав, на станок, что стоит в устье Пинеги. Наш лагерный пункт на самом берегу Сев. Двины; идем с баграми по берегу ее, около 1/2 килом., подходим к устью Пинеги; предстоит переправа на другой берег, на карбасе; но теперь Пинега, ее правая сторона, обмелела, и справа приходится идти вброд, мельче, чем по колону; затем по "бону"; "боном" называется плавающая панель из трех связанных друг с другом бревен; тянется он здесь метров на 100 поперек реки, затем вдоль на сотни метров, образуя целую систему, так сказать, протоков – каналов и "кошелей", в общем ведущих, сходящихся к станку, который и связывает плоты. Чтобы было это понятней – я нарисую:

Рисунок лесосплава.
18.07.1938

Объяснение рис.:

1) Справа "механич. станок" – т. е. механизм, работающий на электроэнергию, сжимающий подплывшие бревна "в пучок" и связывающий их проволокой в плотик (бревен 150-400 в зависимости от размера).

2) Весь рисунок, все линии – на поверхности текущей воды реки; один станок на Пинеге и два на Сев. Двине, таких же.

Люди не нарисованы, но они – везде.

а) На станке – в будке, на платформе,

б) На всех мостиках, на воротах – обязательно мостики входят по бокам.

Все – с баграми.

3) Вода течет, плывут бревна, сперва в беспорядке; чем ближе к станку, тем правильнее они становятся поперек каналов и идут пачками, бок о бок;

4) В кошелях разные сорта древесины (по породам, толщине, назначению);

5) Люди из сплошной массы бревен, производя "разлом", т. е. заставляя их сдвинуться, направляют их в сортировку, т. е. по каналам и в кошелю; наконец – в станок.

<...>

...Я нарисовал очень сокращенно расположение сортировки; на самом деле в ней больше кошелей – до 13-ти, соответственно числу сортов лесного материала; кроме того нужно представить себе, что перед сортировочной системой скопится много леса в беспорядке: так сказать, "общий кошель". Все это называется "запань"; когда лес скопится, спущенный с какой либо реки-притока, то бревна задерживаются также бонами; часть нагораживается одно на другое, не могут сдвинуться с места; этот затор называется "залом", и нужно первое – произвести "разлом", т. е. сдвинуть часть бревен, тогда другие поползут сами – и, направляемые в "главные ворота", идут дальше по сортировке; люди их расправляют и направляют. Вот, я и работаю "на разломе и пропуске", у самих главных ворот.

Так и в то утро, которое я начал описывать, мы отправились на работу, дошли до Пинеги; на берегу стояли 2 лодки; в одной сидели рыбаки, и я увидел впервые семгу, пойманную ими, так см. 70-80 длиной, серебристую с пятнышками. Чтобы пройти по бонам, нужно разуться; мама накануне, так удачно, прислала

мне трусики (черные), и я, раздевшись до них, в одной рубашке и трусиках пошел в лодку; дело в том, что до этого дня я ходил в двух брюках теплых, спал в них, работал. Так нужно было для их сохранности; теперь стало лучше, вещи почти перестали пропадать.

А у нас стоит такая же жара, как и у вас. Ты и Ирусенька меня спрашивали: "Совпадает ли у вас и у нас погода?" Да, по-моему. Судя по письмам и газетам – совпадает; мы так привыкли к изменчивой погоде в июне, к холодам, что жара в июле показалась совершенно невероятной, несвойственной краю; но говорят местные люди, что июль и август здесь хорошие летние месяцы. Посмотрим, как будет дальше с погодой. Вчера пошел дождь; промокли на работе сразу, т. к. укрыться негде; но скоро высохли, т. к. я работаю в утреннюю смену, т. е. на солнце, а смен всего три – с 12 ночи до 8; с 8 до 4-х; с 4-х дня до 12 ночи. Работают три группы поочередно круглые сутки. Придется работать и мне в другие смены, через 10 дней они чередуются; ночью ведь светло как днем.

Лодка под'езжает к бону сортировки; все 40 человек сидящих в карбасе выходят и расходятся по этим плавучим панелям и мосткам на свои места. Проходит смена бригад, можно покурить; потом начинается работа и непрерывно 8 часов течет река, плывут бревна, люди с баграми все время втыкают их концом или крючком, когда как нужно, и покурить некогда; перерыва не полагается; бывает иногда, что лес перестает плыть; часть людей идет «на разлом» и тогда случайно другие могут отдохнуть. Жарит солнце, купаться на работе запрещено; но нет-нет, кто-нибудь оступится, свалится в воду и довольный ванной вылезет; солнце жжет до ожогов; кто неосторожно работает совсем раздевшись, приобретает ожог; некоторые имеют пузыри, точно их ошпарили кипятком. Я остерегся; работал в одном белье, босиком но в носках.

<...>

Иногда, редко, не каждый день, пролетит аэроплан. Каждый день плывут по Двине белые, красивые пассажирские пароходы. Ох уж эти пароходы, как хочется на них ездить... плывут и маленькие буксирчики и тянут, не по своему росту, длиннющие плоты. На берегу, в зелени, не видно, но слышно, как несколько часов лает собака "лайка" на белку; говорят, будет лаять до ночи, пока не

уведут; помнишь, наша Бэки тоже лаяла в Давыдовке на дерево. Должно быть, и у ней – способность к охоте на белок?

Простояв восемь часов на водном конвейере, устаешь – распухают руки от держания багра и трудно их сжать в кулак, схватить багор. В теле много суставов, и каждый сустав, когда ему приходится двигаться, например, когда после работы лезешь на нары, побаливает...

Но мы с этим не считаемся.

Сплав признан правительством ударной работой, такой же важности для Архангельского края и страны, как Беломорканал или канал Москва–Волга. Если лагерь наш перевыполнит нормы работы, закончит сплав к 25.VIII по заданию правительства, многим заключенным дадут льготы.

<...>

Вчера было общее собрание заключенных по поводу стахановского месячника по сплаву, начавшегося 15.VII; в первую же пятнадцатидневку работа улучшилась. Вчера приняли обязательство ускорить сплав и закончить уже не к 25-му, а к 15.VIII. Люди работают хорошо, обещают еще лучше; хорошо было бы, если бы удалось выполнить все к сроку: многие получили бы обещанное сокращение срока заключения и другие льготы. Жаль, что у меня сил меньше, чем у молодых, и я никак не могу с ними сравняться.

Работа сама по себе не требует большой силы, сильных движений; нужно ловко багром поворачивать, подтягивать бревна, чтобы они не задерживались, плыли, становились поперек каналов-рукавов.

В хорошую погоду, на жаре, над водой, имея возможность окунуть ногу, плеснуть водой на голову, хорошо стоять и работать; только очень много внимания нужно, ловкости, и работа без перерыва – все устают очень. Зато – цель очень большая, работа ударная и награда обещана очень значительная, по кр. мере для многих, лучших, сильных работников.

Ну, милый, кончаю письмо. Неловко, что оно такое длинное. <...> Твой “Пип” – только стал старый” (24.07.1938).

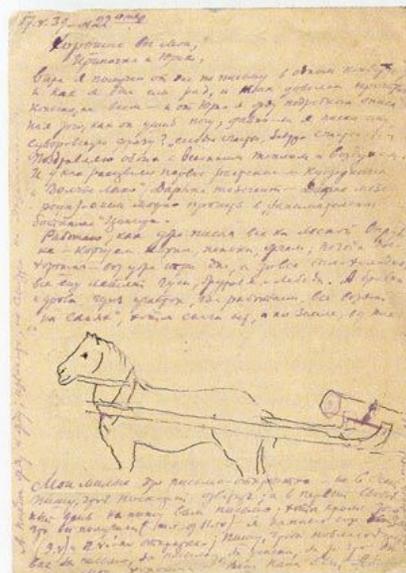
***

«Хорошие вы мои, Ириночка и Юрик. <...>

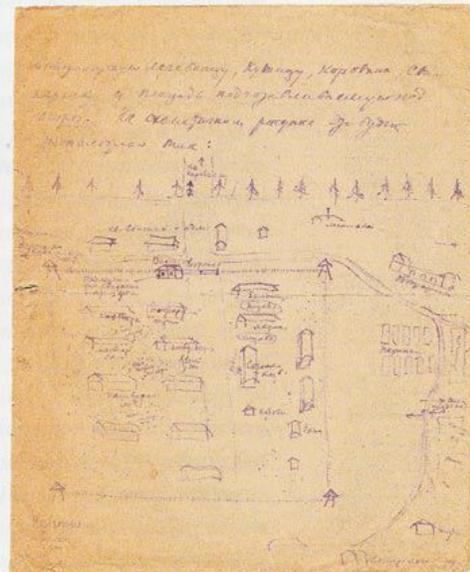
Поздравляю обоих с весенним теплом и воздухом. И у нас расцвело первое растение – кустарничек “Волчье лыко” (*Dasiphora meseraium* –

Дафне мезереум) – о нем можно прочесть в “Занимательной ботанике” Цингера.

Работаю, как уже писал, все на лесной вырубке – корчем корни, пеньки, жжем... погода дн[ем] хорошая – вот уже три дня, а то все было холодно; все еще летят гуси, журавли и лебеди. А бревна и дрова через участок, где работали, все возят “на санях”, хотя снега нет, а по земле воз[ят] так:

Как перевозят бревна. 17.05.1939

План лагеря. 20.05.1939

Мои милые, это письмо-открытка не в счет, пишу, чтоб поскорей ответить; а в первый свободный день напишу вам письмо, хотя кроме того вы получили (т. е. от 11.IV я написал) еще зак[рытое] (9.V) и 12.V – по открытке; пишу, чтобы поблагодарить вас за письмо, за посылку, за успехи, за то что вы мои хорошие. Ваш Папа, Евгений Яб[локов]» (17.05.1939).

***

«Мне хочется, чтобы ты, вы представили себе место моего пребывания с точки зрения его устройства; кругом (вернее “квадратом” – так вырублено) – лес, лес из елей и осин, правда с добавкой берез и сосен;

ели не очень старые; а осины – очень толстые, высокие; сосенки – длинные и “худые”... В лесу сыро, много брусники, черники по мху и, говорят, масса малины... Очень много деревьев, их стволов, на земле – покрытых мхом, погибших естественной смертью; есть две-три прямых просеки: одна к шоссе “на перевалку”, т. е. к дороге, по которой идут автомобили из Няндомы в Каргополь; другая к деревне и озеру... Перевалка – это пункт перегрузки транспортируемого (вещей и людей) – с автомобилей на повозки с конной тягой; от Няндомы до перевалки, кажется, 24 км; от перевалки до участка – 4 км. Участок расположен в том квадрате лесной вырубке, которая помимо “Зоны” с постройками для заключенных в ней и постройками вне ее для вольных и администрации, включает и сель-хоз участок – т. е. ряд хоз. сооружений: теплицу, парники, овощехранилище, 3 конюшни, ветеринарную лечебницу, кузницу, коровник, свиарник и площадь, подготавливаемую под огород. <...>

В лагерях есть так называемая лагерная интеллигенция; это – работающие в конторе, нарядчики, в культ[урно]-воспит[ательной] части, заведующие хоз. учреждениями, медработники и т. д. Они чище одеты, одеваются в “свое”; их жизнь идет легче; основная же масса з/к работает “в производстве” (лесоповал, лесосплав; с.х. работы...), грязнит чаще казенную одежду и целый день бывает на работе. И я познал жизнь рабочего физ[ического] труда: 12 час. на производстве; еда до и после работы; отяжелевшись от того и другого страшно хочешь спать; вот и все: т. е. – мускулы, еда и сон; физическая жизнь... потому что если вычесть из 12 часов время на сбор на работу и приход с нее, сбор и процедуру еды, мытья посуды, свой утр[енний] и вечерний “туалет”, заботу о сушке обуви, на баню, ларек и т. п., то остается так мало времени, что трата его просто на лежание и слушание разговоров или газеты – уже приводит к дефициту для сна; читать, писать, даже дремать – почти некогда из-за утомления. Кроме того, в лагере, и на нашем участке, есть женское население. Во первых, “мамки”; так здесь зовут молодых женщин, имеющих детей, начиная от грудных младенцев, характерный плач-крик которых слышишь, проходя мимо барака “мамок”; во вторых, есть “дамы” – т. е. женщины, одевающиеся как в городе, в меховые шубы, часто до рогие, и вообще имеющие хорошие костюмы. Кто они в прошлом,

я не знаю; знаю, что есть бухгалтера, преподавательницы и т. п. Таким образом, население пункта “около 1 тыс. человек” очень пестро по составу, по работе, по внешности и отчасти производит странное “интеллигентское” впечатление, особенно на “концертах” и т. п. вечерах развлечений, да и просто в столовой! В колониях этого не было; там – одни рабочие, там много “бытовиков”, здесь почти одни “политические”; там порядочно так называемых “урков” (т. е. угол. розыск = у-р = “урки”); то народ боевой, дерзкий, веселый, грубый, бранящийся, выпивающий, дерущийся, задающий тон всей жизни в быту колонии. Им действительно пристало “исправление[е] труд[ом]”, воспитание, т. к. они избегали работы на воле; но они и здесь ее, по возможности, избегают, т. к. наказания не боятся, а средства приобретают воровством, картежной игрой. Вот почему окраска быта здесь, в лагере, – совсем иная, чем в колониях; почему здесь жить легче, здесь много, д[олжно] б[ыть], хороших людей! Я знаю таких по своей бригаде – из колхозников и рабочих или мелких служащих» (20.05.1939).

***

«Мой милый сын, мой Юрий, поздравляю тебя с удачной поездкой – экскурсией! Признаюсь, из твоего описания ее мне, прежде всего, крайне понравилась ее организация. Прекрасный режим, ее план и разумное, хорошее для тебя отступление от них, когда понадобилось отпустить тебя во МХАТ. Как все хорошо.

Спасибо тебе, что написал мне и в день отъезда на нее, и по возвращении. Но, надеюсь, этим не исчерпалось ее описание. Ты будешь о ней вспоминать в письмах ко мне, несмотря на то, что новые события жизни будут “лезть вперед”? Скажу, что мне интересно: что вы купили для кружка, зачем и как потом использовали? Какие мысли у тебя были в Планетарии? И, конечно, – в Третьяковке, в музее Изящных искусств? На “Синей птице”? Тебе не трудно все это описать, ведь вы теперь многое вспоминаете между собой. Ах, как мне интересно знать про вашу встречу. <...>

Сейчас на меня падают лучи взошедшего солнца; оно – выше занавески на окне; занавеска пестрая, как сарафан. Это есть только в нашей половине барака. Почти все спят – и удобно его описать, разглядывая.

более глубокого снега для нападения, чтобы не удрал медведь. Дни теперь должны прибывать; а то темно. Без освещения можно читать и писать только с 9½ часа утра до 3½ часов дня = 6 часов; в остальное время – сумерки темные и ночь. Занятия начинаются в 8 часов, прерываются в 5 ч. вечера в темноте, так что тропочка в барак едва видна.

Из письма Ируси узнал, что ты угощал ее, больную, блинчиками собственного печения и рассказал о кинокартине (должно быть о “музыкальной истории”). На меня это производит большое впечатление, потому что, вероятно, так бывает не часто, по исключению, в виду болезни, а является тем наиболее желательным отношением брата к сестре, проповедовать которое было бы бесполезно, если бы его не случалось, но за него следует “зацепиться”, если оно случалось, и, конечно, было испытано как обоюдно приятное; так что пожелать повторения его, значит, пожелать того, что тебе и самому хочется. Остается – помнить удачный опыт и развивать силу воли к такому отношению: это так же интересно достигать, как в любой борьбе успеха; в этом и есть счастье. Так, на всю жизнь.

У нас в бараке перевесили радио. Теперь громкоговоритель стоит на полочке, подвешенной к потолку над столом, ровно в пяти шагах от моей постели. Получилось довольно изящное сооружение и мне стало слышно передачу; включают его в нашей ½ барака (видишь, сбоку внизу выключатель?) утром, ровно в 7 ч. – с передачей утренних известий; в этот же момент я начинаю вставать; другие еще полеживают минут 20 – до гимнастики, которую, увы, никто не делает (в тюрьме – все делали).

На столе пепельница, полоскательница – все из консервных банок, банки – ваши. Чернильница... и, по-прежнему каждый вечер – шахматы, с болевщиками. <...>

Наш Лагпункт разрастается – строится спешно еще один барак для прибывающих вскоре инвалидов» (22.12.1940).

Из писем жене:

«О бытовых условиях можно бы написать много, но не хочется. Из них самое тяжелое окружающая преступная среда; много воров; много ругани, бесцеремонности, нечистоплотности физической и моральной... Это самое тяжелое в нашем наказании: не труд, не условия мате-

Громкоговоритель в лагерном бараке. 22.12.1940

риальные, а это... Они преглавный гнет нашего быта – воровство, брань, нахальство, вместе с тем, что отношение начальства лучшее к ним, чем к политическим...»

***

«Самый труд мне не под силу – подъем сырых, иногда очень тяжелых шпал вдвоем. Удастся ли мне перейти на другую работу, трудно сказать. Не невозможно, но выбор работ здесь очень ограничен; мастерских нет; з/к политических не берут никуда, кроме общих работ...»

«Как я питаюсь – опишу. Сегодняшний стол: в 5 ч. у. – “завтрак”:

1-е – суп с рыбой (но почти без рыбы); 2-е чечевица; “обед” (или ужин) наступает в 5½ ч. веч. – состоит из щей же, чечевицы и макарон...»

***

«Каждый день, как начинаются утренние сумерки... мы выходим на работу в лес. Большинство з/к-рабочих работают на “лесоपालе”... а две бригады, и моя в их числе, на “окорке шпал”, т. е. счищаем скобелем кору со шпалин; это не трудно, но тяжелы шпалы, особенно их поднимать на козлы и относить в штабели... Все это возле ж. д. ветки, идущей по лесу... По ее шпалам мы и ходим на работу; лес сырой... Уходим в вечерние длинные сумерки; к баракам подходим, когда становится совсем темно; придя, идем в столовую, получить свою тарелку густого овсяного супа; а с ½ 5-го вечера до ½ 5-го утра проводим в бараке... Разместились в бараке; к ночи, после топки печей, в нем стало достаточно тепло; у меня место довольно удачное – близко от печки и не у окон. Клоты и крысы...»

***

«Жаловаться не буду; буду как-нибудь жить, хотя голодно и силы убывают... О, как мы ценим черный хлеб!»

Сначала письма писались часто, чуть ли не ежедневно, потом разрешено было посылать три письма в месяц, потом – одно, а в 1943 году – даже одно письмо в 3 месяца. Письма задерживались, «пропадали», строчки из писем вымарывались цензурой. Однако часть писем и открыток Е. И. Яблокову удавалось передавать в почтовые отделения через вольнонаемных работников, минуя лагерную администрацию, что во многом объясняет степень их откровенности. В одном из писем 1943 года есть фраза: «Опять ограничены письма одним в месяц, но и у нас есть добрые люди, даже очень хорошие...»

Летом 1939 года условия жизни Яблокова несколько улучшаются. Сначала его отряжают на разведку ягодников и сбор ягод (все же не лесоповал!), а с середины ноября делают статистиком, переводят в «технический барак». В круге его общения оказываются заключенные из числа репрессированных западных украинцев («народ почтенного все возраста... Какое счастье – брань исчезла»). Он участвует в лагерной самодеятельности и даже пытается заниматься научной работой – выращивает на окне метелки риса.

Он искренне недоумевает, почему его, квалифицированного специалиста-ботаника, нельзя даже в условиях несвободы использовать по профессии: «Даже лишенный на время политич. доверия и изолированный я мог бы выполнять скромную работу по специальности в каком-либо отдаленном месте с большей пользой и полной добро совестью».

В январе 1941 года Е. И. Яблокова делают лаборантом в санитарной части – выполнять какую-либо другую, даже самую простую физическую работу он уже не способен из-за болезни. Но и этот труд становится для него непосильным. К тому же условия жизни заключенных во время войны заметно ухудшаются. Голод. Надежда дожить до встречи с родными тает с каждым днем. В письмах все чаще появляются строки размышления о жизни, о предназначении человека, о судьбе: «Стал “верить в судьбу” – что не вернусь домой, пока не изменюсь как человек, то есть пока не поймню, не подобрею, не стану более сильным волей...»

В 1943 году наступает полная нетрудоспособность. Е. И. Яблокова «активируют» как инвалида для отправки из лагеря на поселение. Дожидааясь отправки, он продолжал писать в Рязань. Длинные, на нескольких страницах письма читаются в семье вслух, перечитываются, обсуждаются. В самом начале своих мытарств Евгений Иванович написал жене пророческие строки: «Меня очень тронула фраза Ириночки, приведенная Юрой в письме ко мне: “Жаль, что папины письма кончились”».

Папины письма кончились в марте 1944 года.

• Сын Евгения Ивановича Яблокова Юрий Евгеньевич – участник Великой Отечественной войны. Окончил гидрологическое отделение географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал в проектных гидрологических институтах, Гидрометеослужбе. Принимал участие в разработках гидрологических проектов в райо-

не города Мирного, в Саянах, на Кубе и на Кипре. Главный гидролог проекта переброски сибирских рек в Среднюю Азию. Живет в Подмосковье, в городе Ивантеевке. Дочь Ирина Евгеньевна (1923–2014) – электрохимик. Работала в научно-исследовательских институтах; занималась проблемами космических технологий.